

Интервью номера

Известный американский актер **Тим РОББИНС** («Высокая мода», «Звериная натура», «Таинственная река», «Побег из Шоушенка»), в последнее время резко критикующий политику США в Ираке, рассказывает корреспонденту «РК» **Давиду ШНЕЙДЕРОВУ** о своей новой картине «Внедренные»

«Очень легко сказать, что и убить кого-нибудь

— Вы сняли фильм на основе спектакля, в котором достаточно звучат антивоенные и антиправительственные мотивы. Не думаете ли вы, что этот фильм больше подходит для европейских зрителей, чем для американских?

— Я лишь недавно закончил работу, и мне трудно сказать, для кого я ее сделал. Наверно, вы правы в том, что не все американцы примут картину. Но я с самого начала, с самого первого спектакля знал, что в мире есть потребность в таком кино. Я сделал его для другого общества, причем стал это делать с самого начала, когда мы только начали выступать, с самого первого выступления. Я понял, что в нем была визуальная потребность. Я не уверен, что это великий фильм или это великая пьеса, это просто работа, которая лучше всего того, что я когда-либо делал до этого. Я не знаю. Понятия не имею, что это. Я не знаю, поймут ли люди смотреть его. Зрители в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, несмотря на отрицательные отзывы, взглянули на

этот фильм с другой стороны, и он им понравился, они его хвалили. Я знаю, что журналисты, которые работали в Ираке, будут говорить, что в этой пьесе больше правды, чем в газетах, и тому подобные вещи. Поэтому я знаю, что для этого фильма существует отдельное общество. Вопрос заключается в том, как мы найдем это общество. Я знаю, что есть миллионы людей, которые хотели бы посмотреть эту пьесу. Существует огромное общество людей, которые были против войны. Они — это сила, которую трудно сломить. Некоторые называют их «новая глобальная суперсила». Очень впечатляет, что они смогли организовать такое движение более чем в 500 городах мира и объединить миллионы людей.

— Какое послание несет ваш фильм?

— Я не уверен, что есть какое-либо послание. Я стараюсь работать иначе. Думаю, что в этом фильме поднимаются вопросы, чего добивается консервативная партия, что такое патриотизм, что значит действительно знать, ка-

кую жертву принесли солдаты во имя своей страны и службы, которую они несут, каково это — попросить человека совершить убийство? Все мы знаем о службе, о смерти и какие жертвы приходится иногда приносить. Но что происходит, когда тебе на самом деле нужно убить кого-то, и что ты вернешь этому миру?

— Что для вас важнее в данный момент: ваша актерская карьера или участие в политических делах и почему?

— Я всегда готов играть. Как я однажды сказал моему другу: если бы мне предоставляли работу постоянно, у меня бы никогда не было шанса сказать моему другу: мнение по каким-либо другим вопросам. У меня в руках слишком много времени, вот в чем дело. Я счастлив и полностью удовлетворен уравновешенностью жизни. Это касается и моей работы, и моей семьи. Я полностью доволен этим балансом. Я думаю, когда ты делаешь карьеру, проходишь различные этапы. Что стало самым важным для меня, что принесло мне удовлетворение профессией

Интервью номера

— это возможность присоединиться к моей театральной труппе и делать то, что я хочу и когда хочу. Это уникальный случай, и я считаю это своей удачей. Я могу писать, я могу снимать кино, и мне не нужно спрашивать у кого-либо разрешения. Мне не нужно искать миллионы долларов. Я могу просто страстно увлечься идеей и начать работать, размышлять о наших проблемах, снимать кино и писать.

— Расскажите о вашем новом проекте. О чем он? Снова о политике?

— На самом деле я собираюсь поехать в тур с рок-группой. Это и есть мой новый проект. А что касается кино, у меня сейчас есть один сценарий на примете, но не уверен, возьмусь ли я за него, поэтому ничего вам о нем не скажу.

— Есть ли в России режиссер, который вас восхищает?

— Они не полностью нас контролируют. Они бы могли контролировать нас полностью, если бы у них был Интернет. Вот что происходит сейчас в Америке: нас постоянно обманывали на протяжении многих лет, и из-за этого большинство людей перестали доверять источникам информации, перестали верить в большую ложь об оружии массового уничтожения. И тот способ, которым средства массовой информации поддерживали начало войны, не отвечал на главные вопросы и до сих пор не делает этого. Люди читают, но говорят: я не уверен, что это правда. Это все равно как, если бы твоя жена обманула тебя. Как ты можешь впоследствии ей доверять? Поэтому информация есть, но ты должен найти ее. Быть настоящим гражданином — значит искать верную информацию. Я искал в газетах Guardian,

Independent, а также на сайтах в Интернете. В других странах живут люди, которые делают очень хорошие репортажи. Они делают это еще до войны — вот почему я знаю то, что знаю.

— Что вы думаете о терроризме в целом? Как мы можем с ним бороться?

— Я думаю, что терроризм — это тактика. Психологическая тактика, с которой надо бороться. Но с ним нужно бороться именно как с тактикой. Если вы используете свой собственный пример вторжения, вы не можете одержать победу над терроризмом. Фактически мы приумножили террор, пройдя через Ирак. Думаю, мы должны придумать новый способ, как сражаться с этим злом. То, что случилось в Бесламе, — это ужасно, это настоящее зло. Почему они делают это? Они совершили этот теракт именно на

той неделе, когда люди во всем мире ведут своих детей в школу. Поэтому этот вопрос касается не только Чечни или выборов. Думаю, что это более глобальная проблема. Они посылают нам страх. Они хотят, чтобы страх родился в сердце каждой матери и каждого отца. Зачем? Я подозреваю, что терроризм можно рассматривать как фашизм. Террористы знают, фашисты знают, что им никогда не удастся разрушить демократическое общество. Особенно такое, которое сложилось на Западе. Я имею в виду Европу и Америку. Как они могут разрушить его? Если бы я был тактиком, я бы видел способ одержать победу над демократией в том, чтобы повернуть ее к себе. А удастся ли сделать это, распространяя так много страха? Мы так переживаем за нашу безопасность, что готовы отказаться от наших собственных прав ради нее. Ничего хорошего из страха не получается.

— Как вы думаете, кто больше виноват — террористы или политики?

— И террористы, и политики бизнесмены. Очень жестокие бизнесмены. Это люди без ограничений. Вы должны служить людям в своем регионе, а вы вместо этого служите людям, которые дают вам деньги. Бизнес может быть грязным. А ты говоришь себе: я на это не смотрю, я этого не вижу.

— Считаете ли вы, что месть — это холодное блюдо?

— Я верю в это. Я это знаю. Знаю по опыту съемки фильма «Мертвец идет». Около тюрьмы происходили казни, и там, помимо прочих, присутствовали 2 человека. Я знал, кто они такие: это были мать и отец девочки, которую убили 17 лет назад. Я их узнал, я видел их фотографии, исследовал этот вопрос. Они смотрели на людей, которые идут на смерть. Они присутствовали на каждой казни. Они специально приезжали в тюрьму, а ехать им было далеко. Даже тогда, спустя 17 лет после убийства, в них жила злость и ярость. Тот человек, который убил их дочь, к тому моменту был давно мертв. Но они все равно посещали казни. Конечно, тем, у кого в жизни не было подобной ситуации, трудно их понять. Но я надеюсь — не дай бог, конечно, оказаться в таком положении, — надеюсь, что все-таки смог бы найти какой-либо другой способ. Не обязательно прощение, не знаю, возможно ли это, но какой-нибудь способ избежать этой постоянной ненависти.

Все плохо, в конце...»

Хотели бы вы снять в России какой-нибудь фильм, и если да, то на какую тему?

— Честно говоря, я в этом вопросе довольно неграмотен.

— А какая тема была бы вам интересна?

— Абсолютно любая, лишь бы сценарий был качественным. Я только не люблю плохие финалы. Не хочу этим заниматься. Очень легко сказать, что все плохо и убить кого-нибудь в конце. Что действительно тяжело написать, я знаю это как писатель, — так это оптимистический финал. Такой, который бы дарил надежду. Очень трудно. Поэтому многие люди избегают таких финалов — хотя, чтобы их герои были жесткими. Дайте мне романтический сценарий, который заканчивается оптимистически, который несет в себе мысль, и я буду счастлив взяться за него.

— После просмотра вашего фильма-пьесы возникает ощущение, что средства массовой информации и политики полностью контролируют нас. Как нам вести себя в такой ситуации?

